

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 36

1961

Герман ТИТОВ

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

**700.000 КИЛОМЕТРОВ
В КОСМОСЕ**

Герман ТИТОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

700.000 КИЛОМЕТРОВ В КОСМОСЕ

Рассказ

*о полете советского космического корабля
«Восток-2»*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1961

Литературная запись
специальных корреспондентов «Правды»
С. БОРЗЕНКО и Н. ДЕНИСОВА

Мы живем в неповторимое героическое время, и каждый советский человек стремится своим трудом прославить Родину. Стремление к подвигам во имя своей социалистической Отчизны — органическая потребность людей, воспитанных Коммунистической партией. С детства, прошедшего в суровом Алтайском крае среди колхозников — потомков мужественных сибирских партизан, — меня восхищала и учила легендарная жизнь героев нашего народа.

Имена Василия Блюхера, Сергея Лазо, Степана Востречева и многих других смелых борцов за Советскую власть в Сибири были близки и дороги нам с малых лет. Знали мы и тех, кто прославил себя в годы первых пятилеток, кто отстоял Родину в жестоких сражениях Великой Отечественной войны и кого многие народы Европы до сих пор называют своими освободителями. И дела покорителей целинных алтайских земель были хорошо знакомы нам. Многие мои сверстники мечтали поехать туда, стать трактористами и комбайнерами, быть пахарями, сеять и убирать пшеницу. «Пахарь — самая лучшая должность на земле!» — не раз думал я. Со школьной скамьи наше поколение рвалось ко всему героическому, и каждый из нас, еще не зная, где применит свои силы, хотел своими делами прославить Родину.

С детства я любил технику, меня тянуло к ней.

Будучи мальчишкой, я научился управлять автомашиной и самостоятельно водил колхозный грузовик, перевозил на нем зерно. Было величайшим наслаждением класть ладони на руль, тянуться ногами к педалям, ощущать бег машины по полевой дороге, слышать свист пронесившегося мимо ветра.

Я не предполагал, что стану летчиком, и в детстве мечтал стать инженером, конструировать и строить машины. Какие это будут машины, я не знал, но мне нравилось все, что имело колеса, могло двигаться, облегчало труд человека.

Когда появилась возможность пойти учиться в авиационное училище, я с радостью принял это предложение. Стану воен-

Утренняя прогулка космонавта.

ным летчиком, думал я, и, подобно нашему прославленному земляку Александру Покрышкину, подобно тысячам других авиаторов, буду охранять чистое небо Советской страны. Что скрывать, потребовалось немало энергии и труда, чтобы обрести крылья и научиться летать. Прежде чем стать летчиком, пришлось много работать, учиться, тренироваться.

Я очень люблю своего отца, Степана Павловича. Он служил и служит для меня образцом волевого, целеустремленного, много знающего и все умеющего делать человека. Отец мой всю жизнь учился. Он привил мне уважение к своему поколению, а его поколение сделало многое: создало в стране первоклассную социалистическую индустрию, организовало колхозы, разгромило фашистскую Германию.

Как-то я спросил отца:

— Из какого источника ты черпал силы, будучи молодым?

Он достал с полки 33-й том Сочинений В. И. Ленина и показал мне страницу, на которой было написано:

«Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться...»

Это было сказано на века, для всех поколений, и, следуя ленинским заветам, я учился и, видимо, еще много времени проведу за учебниками.

Когда я стал летчиком-истребителем, появились новые мечты, новые устремления, новые желания. Захотелось ближе познакомиться с самой новейшей техникой — космической. Ведь в это время небо уже бороздили стремительные советские искусственные спутники Земли. Ракетный век требовал людей, которые могли бы летать значительно быстрее, выше и дальше, чем летали мы, рядовые летчики реактивной авиации. Гигантские успехи советской науки и техники, за которыми мы неотрывно следили, натолкнули меня на мысль стать космонавтом. Для этого надо было изменить весь уклад жизни, овладеть новыми обширными знаниями, подготовить себя физически и морально.

Все мои последние годы были подчинены этой цели. Мечта сбылась — ни здоровье, ни приобретенные мною знания не подвели: я прошел все многочисленные отборочные комиссии и был зачислен в группу космонавтов и еще раз как бы начал жизнь сначала. Космонавты были людьми, сохранившими пыл молодости, людьми не только настоящего, но и будущего.

Наша группа усиленно готовилась к первому полету человека в космос. Мы все много занимались и проходили специальную подготовку, приучая свой организм к неведомым, неземным явлениям. Нам надо было многое наверстать, нельзя было терять времени зря, нельзя было транжирить ни одного

дня. Мы вошли в новый, неведомый нам до того времени, интересный мир, познакомились с выдающимися людьми нашей эпохи — учеными, конструкторами и инженерами — творцами советских космических кораблей и организаторами космических полетов.

Никогда не забыть нам первую встречу с Главным Конструктором — человеком огромной воли и больших знаний. Он показал нам космический корабль — творение разума многих коллективов ученых, созданный творческим гением и трудом нашего народа. Каждое слово этого выдающегося человека обогащало нас новыми знаниями, раздвигало наш кругозор. Мы знали: ни одна минута в его жизни не пропадает зря, он не только изобретает, но и руководит большой научной работой.

Несколько позже мы познакомились с другим, не менее выдающимся человеком, которого кто-то из нас удачно назвал Теоретиком Космонавтики. Это имя так и осталось за ним. Под его руководством составляются сложнейшие расчеты космических рейсов. Похожий на спортсмена, с выразительным лицом, он разговаривал с нами как равный с равными, и мы были благодарны ему за простоту и отзывчивость.

Когда настало время полета космического корабля «Восток» с человеком на борту и нужно было определить, кто первым отправится в просторы Вселенной, выбор пал на двоих — на моего друга Юрия Гагарина и на меня. Нас обоих хорошо подготовили к этому полету. Я был дублем Юрия Гагарина и, приняв, как говорят у нас в авиации, готовность номер один, находился на космодроме до тех пор, пока корабль «Восток» не взлетел и не вышел на космическую орбиту.

Многое пришлось пережить за эти минуты. Я был потрясен выдержкой и самообладанием Юрия Гагарина, восхищен красотой ракеты, борющейся в момент старта с силой земного тяготения и взмывающей в дальние просторы, куда не достигает человеческий взгляд. Мы, космонавты, оставшиеся на Земле, переживали в это время, наверное, больше, чем наш друг Юрий, с колоссальной скоростью несущийся по орбите и, казалось, живущий сразу десятью жизнями! Такова сила дружбы и крепость уз войскового товарищества.

Полет Юрия Гагарина раскрыл многие тайны природы, неизвестное стало известным. Выяснилось главное: человек может жить и работать в космосе. То, что сделал Юрий Гагарин, следовало развить, приумножить, двинуть вперед. Человеческая жизнь в космосе подпадала под влияние неведомых законов, которые надо было изучить. Ученые усовершенствовали космический корабль, приспособив его для более длительного рейса.

Второй полет человека в космос должен был продолжаться целые сутки. Для этого космическому кораблю надо было сделать 17 витков вокруг земного шара и пройти расстояние, равное расстоянию от Земли до Луны и обратно — свыше 700.000 километров!

Выполнить этот трудный и сложный полет поручили мне, и я сразу же после возвращения на Землю Юрия Гагарина начал готовиться к нему. Я многому научился, когда был дублем Гагарина. Вместе со мной готовился и мой друг Космонавт Три — человек удивительного хладнокровия, железной выдержки, мужественной решимости. Нет сомнения, что во время своего полета, который не за горами, он намного приумножит то, что сделали мы с Юрием Гагариным в первых рейсах в просторы Вселенной.

Вместе с Космонавтом Три мы проходили специальную тренировку, много занимались, тщательно изучали карты земного шара с проложенной на них проекцией космического маршрута. За семнадцать витков «Восток-2», на котором предстояло лететь, должен был побывать над всеми материками и океанами, его путь, подобно гигантским синусоидам, пролегал почти над всеми странами мира и, нанесенный на карту, напоминал серпантин горных дорог.

Особое внимание уделялось парашютной подготовке. Конструкция космического корабля и его системы предусматривала два способа приземления космонавта: в кабине корабля или путем отделения кресла пилота от корабля и спуска его на парашютах. Вот почему мы, уже имеющие звание инструкторов-парашютистов, продолжали отрабатывать все возможные варианты прыжков с парашютом как на сушу, так и на воду. Руководил нашей тренировкой известный в стране парашютист-рекордсмен Николай Константинович.

Космонавт Три — холостяк, а я — человек женатый, и на решение такого сложного вопроса, как вопрос о полете в космос, решедало получить одобрение моей жены Тамары Васильевны. Она знала о том, что вместе с Юрием Гагариным я готовился к первому полету человека в космос, и когда услышала, что мне поручили второй полет, одобрила мое решение — лететь. Она все время поддерживала во мне уверенность в благополучном исходе нового грандиозного предприятия, задуманного в нашей стране.

— Все будет в порядке, Гера,— сказала она, провожая меня из дома в полет.

Перед отъездом на космодром мы ходили с ней по улицам Москвы, пахнувшим летом, обошли Кремль, побывали на Красной площади, а затем по шумной, многолюдной улице Горького

дошли до памятника Пушкину, и я положил к его подножию букет цветов.

«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!..»

Так приветствовал Пушкин молодость.

С чувством радости и легкости улетели мы, космонавты, на далекий космодром. Раскаленная августовским солнцем степь, покрытая степными цветами и густым разнотравьем, встретила нас горьковато-вяжущими запахами. Вокруг простиралось разлитое море полыни и чебреца и еще каких-то пахучих трав. На горизонте переливалось знойное море. Солнце накаляло металлические конструкции так, что до них боязно было дотронуться.

Космодром — это очень сложное хозяйство, со многими постройками, напоминающее одновременно и крупный завод и гигантскую научную лабораторию. Сквозь переплетения металлических ферм проглядывало серебристо-матовое тело ракеты, устремленное в небо. Люди, снаряжавшие ракету в полет, выглядели совсем маленькими в сравнении с ее высоким, гигантским корпусом.

Время летело быстро. Наступил последний вечер перед полетом. Ужинать мы сели вчетвером: я со своим заместителем Космонавтом Три и два врача — Евгений Анатольевич и Андрей Викторович. Ели питательную космическую пищу, выдавливая ее из специальных туб. Разговаривали обо всем и меньше всего о завтрашнем дне. Каждый из нас знал, что он будет нелегким, но все были уверены, что полет пройдет благополучно и еще больше прославит нашу Родину.

После ужина к нам зашел Главный Конструктор, и мы вместе с Космонавтом Три погуляли с ним четверть часа. Это была деловая прогулка. Главный Конструктор дал нам последние советы и наставления, еще раз обратил внимание на особенно важные элементы полета. В сумеречной темноте мы шли в ногу, почти вплотную друг к другу, я — слева, а Космонавт Три — справа от Главного Конструктора. Вся его крепко сбитая, коренастая фигура и твердые шаги, словно отпечатывающиеся на гравии дорожки, невольно вселяли в нас еще большую уверенность в завтрашнем дне.

— В своем полете вы должны тщательно испытать систему ручного управления кораблем, возможность его посадки в любом заданном районе, — сказал Главный Конструктор.

Где-то в вышине сорвалась звезда, оставив в небе легкий след — словно алмазом провели по стеклу. Бледный свет вспых-

нувшего прожектора осветил значительное и своеобразное лицо ученого, его крупную голову. Темные глаза его были сощурены, губы плотно сжаты. Он был весь там, в полете, старт которого был назначен на утро. Он посмотрел на часы, и мы без слов поняли, что нам пора спать. Перед серьезным делом надо ложиться рано. У меня с юношеских лет вошло в привычку — перед экзаменами хорошо выспаться. А ведь завтра — самый серьезный экзамен в моей жизни.

Врачи провели очередное обследование. Пульс у меня был спокойный, дыхание ровное, давление крови нормальное. Затем на тело нам приладили датчики, регистрирующие физиологические функции. Вся эта процедура была уже мне знакома, я привык к ней, когда дублировал Юрия Гагарина перед его полетом. Я прислушивался к своему внутреннему состоянию — оно было таким же спокойным, как и тогда.

Спать мы легли в одной комнате. Окна пришлось распахнуть и у коек поставить вентиляторы. Я слышал легкие, металлические звуки, долетающие откуда-то с космодрома, но вскоре забыл о них и уснул. Космонавт Три заснул еще раньше. Ночью стало холодно, я проснулся и выключил вентилятор. Космонавт Три спал все в том же положении, на левом боку, подсунув под щеку обе руки. На столе стоял букет роз. Цветы светились в темноте, во всяком случае, они были самым светлым пятном в комнате. Кто их поставил, я не знаю. Но было приятно увидеть этот знак внимания товарищей.

Мне редко снятся сны, и ночь перед полетом в космос тоже прошла без сновидений. Утром меня разбудил доктор Евгений Анатольевич. Я сразу почувствовал прикосновение его прохладных рук и открыл глаза. Космонавта Три разбудил Андрей Викторович. Было похоже, что оба медика провели бессонную ночь. Хорошие товарищи, они бодрствовали, охраняя наш покой.

— Выспались? А знаете ли, что американский астронавт, поднимавшийся в космос, спал накануне полета лишь два с половиной часа? — сказал кто-то из врачей.

Из американских газет мы знали, что полет Алана Шепарда первоначально был назначен на 2 мая 1961 года. Но за несколько часов до запуска над мысом Канаверал низко нависли тучи, подул сильный ветер и над океаном разразилась буря.

Из-за метеорологических условий полет несколько раз откладывался, и наконец его окончательно перенесли на пятницу 5 мая.

Шепард проснулся в пятницу в час пять минут. В 2 часа 50 минут к телу его врачи прикрепили контакты, регистрирующие физиологические функции организма. В 3.59 пилот вышел из помещения и вместе со своим дублем Джоном Гленном на-

правился к закрытому грузовику, на котором и прибыл к месту запуска, где его поджидали корреспонденты.

В 5.20 Шепард влез в кабину, которую через пятьдесят минут герметически задраили.

Отсчет времени продолжался и вдруг неожиданно прекратился — была подана команда заменить неисправную деталь. Кран, находившийся возле ракеты, поднял наверх двух рабочих. Они провозились час и шестнадцать минут, и все это время астронавт находился в своей капсуле в состоянии ожидания.

В 9.30 для проверки манометра отсчет времени вновь прекратили, на этот раз всего на минуту.

Позже Шепард жаловался корреспондентам: «Ждать пришлось значительно дольше, чем мы предполагали».

На десятой минуте полета Шепарда по баллистической траектории началось быстрое торможение — момент наибольшего напряжения для человека. По отзывам американской печати, в течение четырех секунд тело Шепарда, весящее на Земле 73 килограмма, было тяжелее в десять раз. Продолжая поддерживать связь с Землей, Шепард скорее мычал, чем говорил. Но мычание никого не удивило: во время испытаний на центрифуге все реагировали подобным же образом.

За четверть часа полета капсула поднялась на высоту 184 километра. С высоты 2 100 метров красно-белый парашют бережно опустил ее на поверхность Атлантического океана. Через четыре минуты после приводнения капсулу с летчиком подобрал вертолет и еще через семь минут опустил на палубу авианосца «Лейк Чемплейн».

Я видел портреты американских астронавтов Алана Шепарда и Вирджила Гриссома. Хорошие парни, видимо, способные на большее, но сделавшие то, что позволила им сделать американская техника. Их полеты оказались на уровне достижений американской науки.

Я вспомнил об американцах на какое-то мгновение и тут же забыл о них. У меня было своих забот по горло.

Предстоял снова медицинский осмотр, затем физзарядка, завтрак, облачение в скафандры, и вот мы уже едем в специальном автобусе голубого цвета к стартовой площадке, где, как величественный монумент нашего времени, стояла тонкая и высокая ракета, в которую был вмонтирован космический корабль.

Я люблю все высокое, устремленное в небо: многоэтажные здания, старинные башни, строительные краны, мачты радиостанций, вековые дубы, корабельные сосны. Но все это, вместе взятое, не могло соперничать с захватывающей дух красотой космической ракеты, готовой всем своим могучим телом уйти

в небо. Было жаль, что такое чудесное создание человеческого разума и рук, вознеся корабль на орбиту, должно будет сгореть где-то там, в вышине.

Утро было прекрасным. Солнце поднималось все выше и выше, в чистом, безоблачном небе пели птицы, откуда-то доносилась бодрящая музыка, и все это гармонировало с моим приподнятым настроением. Судя по лицам окружавших меня людей, они испытывали ощущение чего-то возвышенного, необыкновенного. Никто не сомневался в успехе того, что сейчас делали все вместе, объединенные одной задачей, одной великой целью.

На стартовой площадке остались самые необходимые люди, без которых нельзя было осуществить полет. Я попрощался со своими друзьями-космонавтами, крепко обнял своего верного друга Космонавта Три. Одетый в скафандр, он был такой же неуклюжий на Земле, как и я. Встретившись взглядом с теми же глазами Главного Конструктора, я увидел то, чего еще никогда в них не видел: и отцовскую любовь, и командирскую требовательность, и заботу о благополучном возвращении на Землю.

Я отдал рапорт Председателю Государственной комиссии о готовности к полету. Сугубо гражданский человек, на мой по-военному четкий доклад он как-то просто, по-домашнему пожелал счастливой дороги и протянул мне широкую рабочую ладонь. Я ответил ему крепким рукопожатием. Затем, поднявшись по железной лесенке к площадке у входа в лифт, обратился к провожающим меня и ко всему советскому народу.

— Дорогие товарищи и друзья! — сказал я, помедлив секунду. — Мне выпала великая честь совершить новый полет в просторы Вселенной на советском космическом корабле «Восток-2». Трудно выразить словами чувства радости и гордости, которые переполняют меня.

Мы, советские люди, гордимся тем, что наша любимая Родина открыла новую эру освоения космоса. Мне доверено почетное и ответственное задание. Мой большой друг Юрий Гагарин первым проложил дорогу в космос. Это был великий подвиг советского человека.

Я обвел глазами присутствующих, все еще надеясь увидеть среди них своего ближайшего друга. Мы заранее условились, что Юрий Гагарин обязательно будет на старте второго полета человека в космос. Но он в эти дни находился очень далеко, в западном полушарии, гостя у народов Южной и Северной Америки. И все же я верил, что он обязательно прилетит, если не на старт, то в район приземления «Востока-2», и мы по-братски обнимемся, так же крепко, как обнялись после его полета.

Все сказанное мною записывалось магнитофоном. Я посмот-

рел на инженеров и рабочих, окружавших Главного Конструктора. Он казался совсем молодым, спокойным, напряженным до предела и в равной степени хладнокровным. Он тоже мечтает слетать в космос на своем корабле. Я улыбнулся ему и продолжал:

— В последние минуты перед стартом мне хочется сказать сердечное спасибо советским ученым, инженерам, техникам и рабочим, которые создали прекрасный космический корабль «Восток-2» и провели подготовку его к полету.

Новый космический полет, который мне предстоит совершить, я посвящаю XXII съезду нашей родной Коммунистической партии.

Произнеся эти слова, я подумал о том, что, когда «Восток-2» выйдет на орбиту, их услышат по радио все советские люди, услышат мои учителя и товарищи, услышат на Алтае отец, мать и сестра, а в Москве — моя жена Тамара. Я вспомнил обо всех с неведомой доселе нежностью. Милые, родные, хорошие люди, всей душой я сейчас с вами!

Я подумал о Ленине. Еще в детские годы, вступая в пионеры, я дал слово быть верным делу Ленина; я носил изображение его над сердцем на комсомольском значке; я был принят кандидатом в члены партии Ленина перед первым полетом человека в космос. И, подумав об этом, я вспомнил, как, встречая Юрия Гагарина в Москве, Никита Сергеевич Хрущев с трибуны Мавзолея сказал о том, что все новые и новые советские люди по неизведанным маршрутам полетят в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру. Мне выпало большое счастье совершить такой новый полет. И, заканчивая свое выступление, я сказал:

— В эти минуты хочу еще раз горячо поблагодарить Центральный Комитет родной ленинской партии, Советское правительство, дорогого Никиту Сергеевича Хрущева за оказанное доверие и заверить, что я приложу все свои силы и умение, чтобы выполнить почетное и ответственное задание.

Я глубоко уверен в успехе полета.

До скорой встречи, дорогие товарищи и друзья!

Волнующее нетерпение охватило меня — скорее бы начался полет. Я вошел в кабину «Востока-2», и за мной плотно и бесшумно закрылся входной люк. Я остался один. Теперь — только вперед! Взглянул на знакомые приборы, которые незримо нитями должны были связывать меня со всем земным на далекой орбите. Взглянул — и сразу успокоился. Мы, космонавты, привыкли к этим приборам на тренировках и верим в их почти человеческий разум.

В кабине было уютно, как в комнате. В пилотском кресле, напоминающем шезлонг, можно было сидеть и лежать, работать и отдыхать. Все было под рукой и перед глазами, можно было легко достать любую кнопку, любой рычаг. Отсюда я мог управлять кораблем в полете, держать связь с Землей по радио и делать записи в бортовом журнале. Здесь легко дышалось. Мягкий свет не утомлял глаз. Конструкторы создали все условия для плодотворной работы космонавта, позаботились обо всех удобствах и даже комфорте.

Была объявлена десятиминутная готовность к старту. Председатель Государственной комиссии поинтересовался моим самочувствием.

— Чувствую себя прекрасно,— ответил я и поблагодарил за внимание, всем своим существом ожидая то, что произойдет со мной в ближайшие минуты.

Время отсчитывало последние секунды. Ровно в девять часов по московскому времени была подана команда:

— Подъем!

Охваченный еще никогда не испытанным счастьем, я ответил так же кратко:

— Есть подъем!

В тот же момент я почувствовал, как миллионы лошадиных сил, заключенные в мощные двигатели ракеты-носителя, вступили в единоборство с силами земного притяжения.

— Пошла, родная!— невольно вырвалось у меня.

Ракета оторвалась от стартового устройства и на какое-то мгновение задержалась, словно преодолевая сильный порыв ветра. В кабину донесся грохочущий рокот, ракету затрясло мелкой дрожью, и все тело мое придавила невероятная тяжесть. Начали расти перегрузки, и я подумал, как хорошо, что мы, космонавты, много и упорно тренировались на центрифугах и вибростендах, что наши организмы приучены ко всем особенностям космического полета.

Шум двигателей, вибрацию, все возрастающие перегрузки на участке выведения корабля на орбиту я перенес хорошо, не ощущая ни головокружения, ни тошноты; и сознание, и зрение, и слух были такими же, как на Земле. С первых же секунд движения ракеты я начал работать: следил за приборами, поддерживал двухстороннюю радиосвязь с командным пунктом, через иллюминаторы наблюдал за удаляющейся Землей. Горизонт все время расширялся, в поле зрения возникали и ширились земные дали, залитые ярким солнечным светом. Это было во много раз грандиознее тех ландшафтов, которые раньше открывались взору под крылом реактивного самолета. Краски в природе были необыкновенные, словно внутри мор-

ской раковины, и даже в кабине свет был таким, как если бы иллюминаторы ее состояли из цветных стекол.

Я чувствовал отделение каждой ступени ракеты, уносящей корабль все выше и выше к расчетной орбите. Хронометр подсказывал, что «Восток-2» вот-вот выйдет на нее. В этот момент должно было возникнуть состояние невесомости, и я приготовился к нему. Но оно возникло плавно, само собой, после отделения последней ступени ракеты. Первое впечатление было несколько странным — будто я перевернулся и лечу вверх ногами. Но через несколько секунд это прошло, и я понял, что корабль вышел на орбиту. Это же показали приборы и по радио подтвердили ученые, наблюдавшие с Земли за движением «Востока-2». Они сообщили по радио параметры орбиты: перигей — 178 километров, апогей — 257 километров, угол наклона к экватору — 64 градуса 56 минут. Я находился на орбите, где не было ни дождя, ни снега, ни гроз, ничего, кроме пустоты. Теперь можно было приступить к выполнению заданной программы на весь полет.

Основными задачами рейса «Востока-2» были исследования влияния на человеческий организм длительного полета по орбите и последующего спуска на Землю; исследования работоспособности человека при длительном пребывании в условиях невесомости. Были еще и другие задания, но все они являлись производными от этих двух основных. За сутки полета для каждого из семнадцати витков вокруг планеты был составлен свой строгий график работ, которые должен был выполнить космонавт. Все было расписано по минутам: когда вести радиопереговоры с Землей, когда брать в свои руки управление кораблем, когда есть и пить, когда спать и просыпаться.

В иллюминаторы светило яркое, нестерпимое для глаз солнце, и я, экономя батареи, выключил освещение. Но вскоре лампы пришлось зажечь — «Восток-2» вошел в тень Земли, и его обступила темная, непроглядная ночь. На черном бархате неба, как алмазы, трепетным огнем искрились и переливались крупные, холодные звезды. Глядя на них, нельзя было не вспомнить стихи Лермонтова:

«...И звезда с звездою говорит...»

Через час полета, прорезая темную-претемную ночь, я, как и было намечено планом работ, включил ручное управление кораблем. Признаться, это было сделано не без внутреннего волнения: ведь еще ни один человек в мире не заставлял повиноваться своей воле космический корабль. «Подчинится ли он движениям моих рук?» — подумал я и решительно положил руку на пульт управления. «Восток-2» выполнил мои желания, и я вел его

с тем же спокойствием, с каким водил на Земле автомашину и в небе управлял реактивным самолетом. Управлять космическим кораблем оказалось легко. Его можно было ориентировать в любом заданном положении и в любой момент направить куда надо. Держа ладонь на ручке управления, я чувствовал себя капитаном чудесного корабля. Я не ощущал особого напряжения, вернее, не чувствовал никакого напряжения. Все было привычно, как в самолете.

Близился момент выхода из тени Земли. Он наступал стремительно. Второй рассвет в этот день для меня начался с того, что на горизонте я увидел ярко-оранжевую полосу, над которой стали возникать все цвета радуги. Небо было таким, словно я глядел на него через хрустальную призму. И вот уже солнечные лучи ворвались сквозь иллюминаторы в кабину. После непроглядной ночи снова наступил светлый, солнечный день. Я с интересом следил за Землей, видел крупные реки и горы, по окраске различал вспаханные и несжатые поля. Хорошо были видны облака. Их можно было отличать от снега по синим теньям, отбрасываемым на Землю. На горизонте Земля была окружена бледно-голубым ореолом.

Глобус на приборной доске, вращение которого совпадало с движением корабля, показал, что «Восток-2» уже сделал первый виток вокруг Земли. Это же подтвердили и бортовые часы. То, что сделал 12 апреля Юрий Гагарин, было достигнуто, а «Восток-2» продолжал свой полет.

В 10 часов 38 минут по московскому времени, пролетая над территорией Советского Союза, я доложил по радио Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву:

— Полет советского космического корабля «Восток-2» проходит успешно. Все системы корабля функционируют нормально. Самочувствие хорошее...

Вскоре в космос пришла ответная радиограмма от Н. С. Хрущева, и я услышал, как забилося мое сердце. В ней Никита Сергеевич говорил о том, что все советские люди бесконечно рады моему успешному полету. Он сердечно поздравил меня и ждал моего возвращения на Землю. Теплые, отеческие слова Н. С. Хрущева вселили в меня еще большую уверенность, придали новые силы; как потом говорили врачи, следившие с Земли за состоянием моего организма, после этой радиограммы и пульс и дыхание стали у меня чище, спокойнее.

На втором витке, пролетая над африканским материком, я передал привет народам Африки, борющимся против колониализма.

Все континенты земного шара при наблюдении из космоса от-

личаются друг от друга не только своими очертаниями, но и красками. Основной цвет Африки — желтый с вкрапленными в нее темно-зелеными пятнами джунглей. Поверхность ее похожа на пятнистую шкуру леопарда. Пролетая над африканским континентом, я сразу узнал пустыню Сахару — сплошной океан золотисто-коричневых песков, без всяких признаков жизни.

В детстве мне приходилось читать о путешественнике Давиде Ливингстоне, который одним из первых описал флору и фауну этого загадочного края, рассказал о жизни населяющих его племен и народов. Читал я, конечно, и богато иллюстрированные авторскими фотографиями книги чешских путешественников Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда «Африка грез и действительности». Интересные, полезные книги.

Не мог я не вспомнить и повесть, которая произвела на меня в школьные годы большое впечатление, — «Капитан Сорви-голова» — об освободительной войне буров против английских колонизаторов. И события наших дней, происходящие в Африке, встали в памяти. Один за другим африканские народы сбрасывают цепи векового рабства, становятся на путь новой жизни. Пески Африки обильно политы кровью алжирских патриотов — борцов за свободу и независимость своей страны. Где-то здесь, среди сыпучих барханов, французские империалисты испытывают свои атомные бомбы, отравляя воздух планеты ядами стронция.

Желтая Сахара оборвалась внезапно, и я увидел светлый простор Средиземного моря, самого красивого из всех морей, которые мне пришлось наблюдать на первых двух витках. Темно-голубое, словно выписанное ультрамарином, оно проплыло в иллюминаторе и исчезло в туманной дымке.

Несколько минут полета, и я снова над родной землей. Она отличается от всех земель мира. Нигде не увидишь таких огромных полей, таких лесных массивов, такого множества могучих рек, такой богатой и разнообразной палитры красок — от изумрудной зелени Юга до слепящей белизны горных вершин, покрытых вечными снегами.

Мне не были видны с такой большой высоты заводы. Но я знал, что они дымят где-то там, внизу, озаренные сполохами доменных и мартеновских печей, у которых трудится великая армия строителей коммунизма. И в космическом корабле «Восток-2», как солнце, отраженное в бисерной капельке росы, отражался их титанический труд.

Я не видел терриконов угольных шахт и магистралей железных дорог, но мне были отлично видны искусственные моря, которые, как полные чаши, были приподняты плотинами гидростанций. Это были приметы нового времени — великой эпохи

строительства коммунизма. Когда-то в школе, в родном селе Полковникове, я писал сочинение, которое начиналось ленинскими словами «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Совсем немного времени прошло с милой моему сердцу школьной поры. Разве мог я думать тогда, что мне одним взором доведется окинуть нашу преображенную страну!

На втором витке, пролетая над Москвой, я ответил на приветственную радиogramму главы Советского правительства. Я не писал ее, а диктовал.

— Передайте большую благодарность Никите Сергеевичу Хрущеву за его отеческую заботу, — сказала я.

Эти слова ушли в эфир, и магнитофон автоматически записал их на ленту.

— Большое спасибо! — сказал я и еще раз повторил: — Большое спасибо!

И, зная, что Никита Сергеевич все время интересуется тем, как протекает полет, как выполняется заданная программа, добавил:

— Я непременно выполню задание партии и правительства по программе полета полностью. Все идет отлично. На борту порядок. Так и передайте Никите Сергеевичу.

Послав на Землю это сообщение, я почувствовал какое-то внутреннее облегчение. Радиogramма подводила итог первому этапу полета. И действительно, в 11 часов 48 минут «Восток-2», закончив второй оборот вокруг Земли, начал третий грандиозный виток.

Все время я передавал деловую информацию, поступающую в находящийся на космодроме главный штаб и командный пункт космического полета, а также в координационно-вычислительный центр, расположенный за многие сотни километров от космодрома. Огромное число специалистов принимало участие в обработке данных, поступающих из космоса, в обеспечении полета «Востока-2». Я знал, что за всем происходящим в кабине корабля, за каждым моим движением по телевизионным линиям следят с Земли сотни внимательных глаз. Врачи при помощи самых современных методов радиотелеметрии и телевидения непрерывно наблюдали за состоянием моего организма. Тончайшая аппаратура точно регистрировала биоэлектрическую и механическую деятельность моего сердца, частоту и глубину дыхания, температуру.

Профессор медицины Владимир Иванович Яздовский, находящийся на Земле, знал о моем сердце больше, чем знал о нем я. И если бы я, передавая свои субъективные ощущения, в чем-то ошибся, как это иногда бывает с летчиками «в слепом» по-

лете, то многочисленные приборы и сверхчувствительная аппаратура тотчас бы отметили такую ошибку. Изучение влияния всех факторов космического полета на жизнедеятельность человеческого организма покоилось на прочном научном фундаменте, на самом широком использовании медицинской техники.

В зарубежной прессе много писалось о вредном влиянии космического пространства на психику человека. Многие специалисты утверждали, что человек в космосе будет подвержен тоске, что его замучает гнетущее чувство одиночества. Но я ни на секунду не испытывал отрыва от своего народа, от друзей и товарищей, находившихся на советской земле. Юрий Гагарин, узнавший о начале моего полета в то время, когда гостил в Канаде, на ферме известного американского промышленника лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайруса Итона, послал мне приветственную телеграмму. Пройдя полсвета, она была передана вдогонку «Восток-2» по радио и сильно порадовала меня.

«Дорогой Герман,— писал Юрий Гагарин,— всем сердцем с тобою. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полетом, уверен в успешном завершении твоего полета, который еще раз прославит нашу великую Родину, наш советский народ. До скорого свидания!»

Подтвердив получение этих сердечных слов, я тут же выразил Юрию Гагарину дружескую благодарность. Как всегда, мы были рядом и сердца наши бились в одном ритме.

Иногда я забывал о том, что на меня все время смотрит внимательный глаз объектива телевизионного устройства, немедленно передающего мое изображение на экраны телевизоров, установленных в приемных центрах на Земле. Как-то, увлекшись записями, я закрыл лицо раскрытым боржурналом и пробыл в таком положении несколько минут. А затем, спохватившись, положил боржурнал на колени. Товарищи потом рассказывали, что я словно почувствовал их недовольство тем, что они на это очень короткое время были лишены возможности наблюдать за мной.

Надо сказать, что на протяжении всего полета, начиная от старта и до приземления, радиотехнические средства связи, вся легкая и компактная радиоаппаратура действовали прекрасно. Два параллельно работавших коротковолновых и третий ультракоротковолновый передатчики, выполненные на полупроводниковых приборах, приемники, а также микрофоны, смонтированные в гермошлеме и расположенные в кабине, чувствительные наушники и динамики дали возможность из каждой точки орбиты передавать из космоса нужную информацию, получать с Земли распоряжения, вести радиопереговоры с Председателем

Государственной комиссии, Главным Конструктором, врачами и различными специалистами. Мне хотелось поблагодарить Теоретика Космонавтики — крупнейшего советского ученого, под руководством которого был составлен самый сложный расчет космического рейса «Востока-2». Но он сделал свое дело и не подходил к аппаратам связи. Слышимость была замечательной. Я по интонациям, по тембру узнавал голоса знакомых мне людей и даже представлял себе выражение их лиц. В кабине, на случай плохой слышимости, имелся и телеграфный ключ. Но прохождения радиоволн было настолько четким, что пользоваться ключом для передачи сообщений не пришлось.

На борту «Востока-2» был установлен и приемник широко-вещательных диапазонов. Включив этот приемник, я услышал знакомый голос диктора Московского радио, который передавал официальное сообщение о том, что в космос запущен новый советский космический корабль и что управляет им гражданин Союза Советских Социалистических Республик — Герман Титов. Было совсем необычным и странным слышать такие хорошие слова о себе, о том, что я в это время делал. «Наверное, и отец, и мама, и сестра, и жена сейчас слышат это сообщение,— подумалось мне,— и, наверное, они волнуются и переживают».

Приемник доносил до меня передачи многих радиостанций мира. В эфире, перебивая друг друга, слышались и родные и чужие голоса. Я с удовольствием прослушал несколько жизнерадостных вальсов Штрауса. Они отзвучали, и в кабину ворвалась бесшабашная какофония джаза. Барабанный грохот и волчье завывание саксофонов сменила задумчивая русская песня о подмосковных вечерах, а затем зазвучал бодрый «Марш энтузиастов».

Несколько раз в приемник просачивался «Голос Америки» на русском языке. Он передавал что-то невнятное о боге, ангелах, святых. Какая-то японская радиостанция вела урок русского языка. А наш Дальний Восток радовал меня «Амурскими волнами». Я слышал их несколько раз. Меня даже спросили: нравится ли мне эта передача? Я ответил, что нравится, но все же попросил сменить пластинку. Дальневосточники ответили: «Вас поняли» — и снова, в который уже раз, запустили «Амурские волны».

Дальний Восток... Рыбное Охотское море. Камчатка. Курильская гряда. А южнее — Японские острова. Япония — страна вулканов, землетрясений и вишневых садов. Подумав о ней, я вспомнил, что сегодня — 6 августа. В этот день шестнадцать лет назад полковник американских военно-воздушных сил Роберт Льюис сбросил первую атомную бомбу на японский город Хиросиму. Адский взрыв этой бомбы уничтожил город, убил и

искалечил сотни тысяч мирных жителей — стариков, женщин детей. До сих пор в Японии умирают люди, кровь которых отравлена губительными излучениями этого взрыва.

Если 6 августа 1945 года вошло в историю как один из самых мрачных дней летописи человечества, то 6 августа 1961 года, по отзывам всей мировой общественности, станет одним из ее самых светлых дней. Еще и еще раз, пролетая вокруг Земли, я слышал, как радиостанции всех стран, каждая на своем языке, вели передачи о новой победе советского народа. Многие комментаторы связывали победу СССР в космосе с недавно опубликованным проектом Программы нашей Коммунистической партии. Экземпляр «Правды» с текстом проекта Программы, испещренный цветным карандашом, был всегда со мной в дни подготовки к полету. Много в новой Программе окрыляющих человечество мыслей, и я прочитал ее с тем же восторгом, с каким много лет назад впервые познакомился с «Коммунистическим Манифестом», созданным гением Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Я слышал голоса радиостанций всех материков Земли, называющих имя Никиты Сергеевича Хрущева, говорящих о советских космических кораблях, и в ответ с борта «Востока-2» передавал свои приветы. На третьем витке, находясь над Европой, я передал приветствие народам Советского Союза и Европы, а затем, пересекая южную часть западного полушария, — народам Южной Америки. Когда «Восток-2», оставив за собой более 200 000 километров космического пути, на пятом витке проходил над Китаем, в районе Гуанчжоу, такое приветствие было передано мною народам Азии. Находясь над Мельбурном, я приветствовал жителей пятого материка — равнинной Австралии. Из космоса был передан привет также и народам Северной Америки.

Позже, уже после возвращения на Землю, просматривая вораха газет и журналов, я натолкнулся на сообщения американской прессы, где было написано, что голос «Востока-2» звучал, подобно колоколу. Речь шла о приветственных радиogramмах, которые я произносил на родном языке, понятном в этот день народам всего мира.

Почти весь полет я провел с открытым гермошлемом. Так было удобнее работать. Необходимости закрывать им лицо не было: полная герметизация кабины корабля не нарушалась ни на минуту. Да и питаться так, с открытым гермошлемом, куда удобнее.

По заданной программе первый прием пищи — обед — полагался на третьем витке. Наступил полдень — времени от завтрака на Земле прошло довольно много, и, хотя есть не особен-

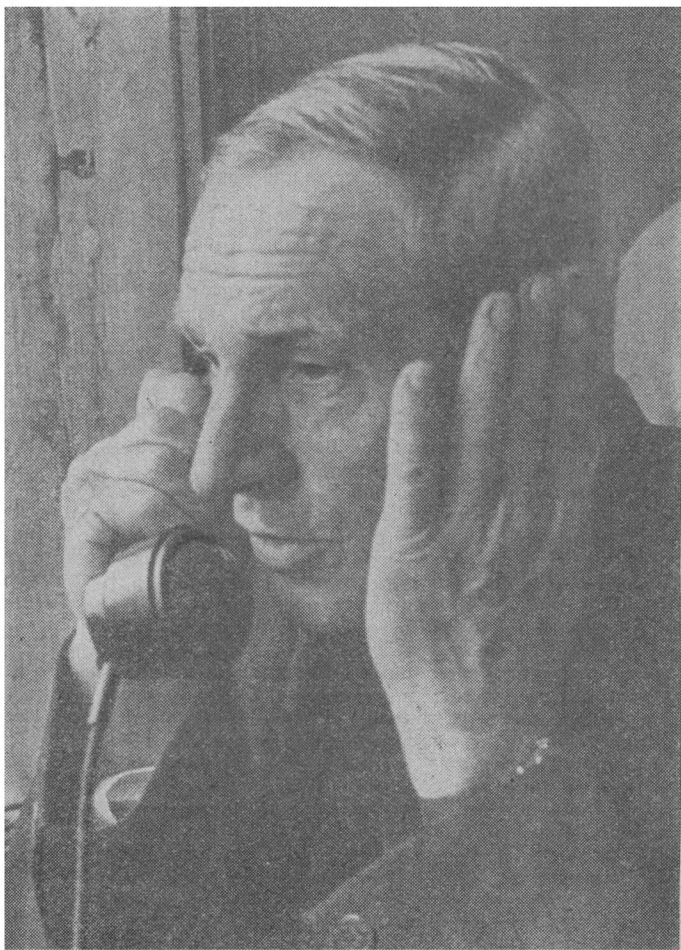
но хотелось, я принялся за обед. В кабине не было ни тарелок, ни ложек, ни вилок, ни салфеток. Протянув руку к контейнерам с пищей, я достал первую тубу. На Земле она весила примерно полтора грамма; здесь же, в космосе, не весила ничего. В тубе содержался суп-пюре, который я и принялся выдавливать в рот, как зубную пасту. На второе таким же манером я поел мясной и печеночный паштет и все запил черносмородиновым соком, тоже из тубы. Несколько капель сока пролилось из нее, и они, как ягоды, повисли перед моим лицом. Было интересно наблюдать, как они, чуть подрагивая, плавают в воздухе. Я подобрал их на пробку от тубы и проглотил.

И есть и пить в космосе можно так же легко, как и на Земле. Мне, как и было намечено полетным заданием, пришлось не только пообедать, но и поужинать, а на следующий день позавтракать все той же космической пищей. При этом я употреблял ее не только из туб, но и в твердом виде — откусывал небольшие кусочки хлеба, разжевывал и глотал витаминизированные горошины. Ну и, конечно, пил воду из специального устройства. Все получалось хорошо, «по-земному». Словом, вопрос с питанием человека в длительном космическом полете можно, на мой взгляд, считать решенным — были бы только на корабле нужные запасы пищи.

Все время поблизости от меня в кабине плавала ручная кинокамера, которую я захватил с собой в полет, чтобы запечатлеть всю красоту, открывающуюся человеческому взору на орбите. Это был обычный репортерский киноаппарат «Конвас», заряженный цветной пленкой. Я сделал им несколько снимков горизонта при входе в тень Земли и при выходе из нее на Солнце. Снимал и звездное небо. Дважды я видел Луну. Она была на ущербе, острый серпик ее такой же, каким мы его видим с Земли. Создавалось впечатление, будто корабль стоит на месте, а Луна быстро, рожками вперед проплывает мимо иллюминатора.

Луна напомнила мне гоголевскую «Ночь перед Рождеством», и я представил себе украинское село, засыпанное снегом, парубков и девчат, поющих на улице. Сверкающий в темноте месяц чудился настолько близким, что, казалось, стоит открыть иллюминатор и можно будет достать его рукой и положить в мешок, как описывал это Гоголь. Но всему свое время. И то, что в гоголевскую пору было сказкой, в наши дни становится действительностью. Кому-то из нас, космонавтов, доведется primero и облететь Луну, и побывать у ее кратеров, и даже привезти с собой на Землю мешок лунных камней.

Я не удержался от соблазна и раза два снял самого себя

«Да, я отец Германа».

и даже подмигнул в объектив киноаппарата. Затем подбросил бортжурнал и, когда он поплыл в кабине над головой, тоже сделал несколько кадров. Я не специалист по киносъемкам, и хотя снимки получились не ахти какие, они все же в какой-то мере дополняют впечатления, вынесенные из полета.

Перед выходом корабля из тени Земли интересно было наблюдать за движением сумерек по земной поверхности. Одна часть Земли — светлая — в это время была уже освещена Солнцем, а другая оставалась совершенно темной. Между ними была четко видна быстро перемещавшаяся сероватая полоса сумерек. Над ней висели облака розоватых оттенков.

Все было необычно, красочно, впечатляюще. Космос ждал своих художников, поэтов и, конечно, ученых, которые могли бы все увидеть своими глазами, осмыслить и объяснить. Мне запомнился Тянь-Шаньский хребт и горные вершины Гималаев, покрытые ослепительно белым снегом. Их цепи были направлены под углом к линии полета «Востока-2». Горы стояли, как скирды соломы, а между ними синели провалы ущелий.

Летая вокруг земного шара, я воочию убедился, что на поверхности нашей планеты воды больше, чем суши. Великолепное зрелище являли собой длинные полосы волн Тихого и Атлантического океанов, одна за другой бегущих к далеким берегам. Я глядел на них через оптический прибор с трех- и пятикратным увеличением.

Океаны и моря, так же как и материки, отличаются друг от друга своим цветом. Богатая палитра, как у русского живописца-мариниста Ивана Айвазовского, — от темно-синего индиго Индийского океана до салатной зелени Карибского моря и Мексиканского залива.

Один раз в ночной темноте я увидел внизу золотистую пыль огней большого города. Глобус на приборной доске подсказал, что под «Востоком-2» — зарево освещенного Рио-де-Жанейро, одного из крупнейших городов Южной Америки. Там, на бразильской земле, всего несколько дней назад гостил Юрий Гагарин и миллионы людей слышали его рассказ, воочию видели советского космонавта. Любуясь огнями Рио-де-Жанейро, я подумал, что, может быть, в эти минуты кто-нибудь из наших бразильских друзей ловит в эфире сообщения «Востока-2».

Корабль делал виток за витком, и казалось — он не подвластен времени. Но витки не были бесконечным повторением одного и того же, все они разные и в каждом было что-то свое, новое. Работы было много. Я вновь взялся за ручку управления. На сей раз более уверенно, ибо уже знал, как в этом случае ведет себя корабль. Он, как умное живое существо, послушно повиновался моим желаниям.

По графику полета приближалось время отдыха — я должен был спать. График был разумно составлен на Земле. К этому часу я достаточно притомился: ведь «Востоком-2» уже было сделано шесть оборотов и прошло девять часов полета в космосе. Кроме того, длительное пребывание в условиях невесомости вызвало некоторые изменения в моем организме со стороны вестибулярного аппарата, и я временами испытывал неприятные ощущения. Они вызывались особенностями работы вестибулярного аппарата в обстановке, отличной от земных условий. Состояние невесомости особым образом действовало на так называемые отолиты — маленькие камешки, находящиеся в наполненной жидкостью замкнутой полости внутреннего уха человека. В обычных условиях отолиты при изменении положения головы перемещаются, возбуждая то одни, то другие группы чувствительных нервных окончаний, расположенных в стенках полости внутреннего уха, которые и передают по нервам соответствующую информацию в головной мозг. Потеряв на орбите силу тяжести, отолиты не могут правильно информировать мозг, а значит, способствовать ориентировке космонавта в пространстве.

Чтобы избежать этого, я принимал исходную собранную позу и старался делать поменьше резких движений головой. Сон должен был не только снять охватившую меня усталость, но и в какой-то степени помочь избавиться от неприятных ощущений, связанных с естественными в условиях невесомости нарушениями в вестибулярном аппарате.

В 18 часов 15 минут «Восток-2» проходил над Москвой. Наступало время, отведенное на сон. Но я не удержался и передал в нашу столицу небольшую радиограмму. Сообщая в ней о том, что все по-прежнему идет хорошо и отлично, я сказал о комфорте, окружавшем меня, и пожелал дорогим москвичам спокойной ночи:

— Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать...

На этом радиосвязь прекратилась. Приемники были включены, но, как было условлено, никто меня не тревожил вопросами и ни один звук не долетал с Земли. Наземные радиостанции заботливо оберегали мой покой. Время с вечера 6 августа до двух часов 7 августа было отведено мне для отдыха и сна.

Чтобы не отделиться от кресла, я закрепил себя привязными ремнями и приказал себе уснуть. Нас, космонавтов, врачи приучали засыпать мгновенно, по желанию, и просыпаться точно в заданное время. Я закрыл глаза и уснул. Радиотелеметрический контроль аппаратуры корабля и аппаратуры обеспечения жизнедеятельности и состояния космонавта продолжал свою бесшумную работу.

Проснулся я от какого-то странного состояния тела. Вижу: мои руки приподнялись сами собой и висят в воздухе: казалось состояние невесомости. Я засунул ладони под ремни и взглянул на световое табло специального счетчика, показывающего, что корабль идет на восьмом витке. Просыпался я также на десятом, а затем на одиннадцатом витках, взглядывал на табло и тут же снова засыпал. Спать в космосе легко. Переворачиваться не на чем; ни руки, ни ноги не затекают. Чувствуешь себя, как на морской волне.

Окончательно проснуться и приступить к работе я должен был ровно в два часа 7 августа. Но я проспал лишних 35 минут. На Земле это поняли и не будили меня, давая возможность отдохнуть получше. Через две минуты после пробуждения и необходимого туалета я приступил к работе. В космосе ценишь каждое мгновение, и было жаль часов, потраченных на сон.

Все оборудование корабля действовало с точностью часового механизма. Я отдохнул, чувствовал себя свежо и бодро, неприятные ощущения исчезли, и обо всем этом сразу же было сообщено на Землю:

— Никаких снов не видел, выспался, как младенец..

Передав первое после отдыха сообщение и тем успокоив товарищей, бодрствовавших на Земле, я занялся физзарядкой. Для нас, космонавтов, она уже давно стала необходимой потребностью. Если не сделаешь ее с утра — целый день чувствуешь себя не в своей тарелке.

Физзарядка в космосе? В состоянии невесомости, когда собственное тело не ощущает тяжести, казалось бы, невозможны физические усилия. Но это явление было учтено, и наши врачи и инструкторы физической подготовки разработали оригинальный комплекс упражнений. Так, например, космонавт старался оторвать свое тело, привязанное ремнями, от кресла. Это было одно из упражнений для мышц брюшного пресса. Были найдены и другие движения, которые разминали суставы и приводили мышцы в рабочее состояние.

Физзарядка активизировала сердечную деятельность и сделала меня более бодрым. Я набрался сил и был готов к новым испытаниям. Ведь предстоял еще очень большой путь — пять витков вокруг Земли, свыше 200 000 километров космического полета.

Я вспомнил о том, что обещал товарищам сделать несколько автографов, и надписал их, пролетая где-то над джунглями Индии.

«Восток-2» совершал свои обороты с математической точностью, минута в минуту. Я это проверил по своим наручным ча-

сам. Один раз, войдя в тень Земли, я засек время. Когда корабль, прорезав ночь, вновь оказался на солнечной стороне, я стал следить за часовой стрелкой, ожидая нового входа корабля в тень. Он произошел на восемьдесят девятой минуте, то есть именно так, как было подсчитано на Земле и еще в самом начале полета сообщено мне в космос.

У меня был красивый позывной — как бы второе имя, на которое я откликался с орбиты. У каждого космонавта было подобное имя. Но когда мне говорили с Земли: «Ландыши», — было понятно, что в беседу по радио вступает один из моих друзей. Сочиненная нами шутовская песенка о ландышах частенько распевалась в нашем кругу в часы досуга. Полет, потребовавший немало выдержки и терпения, подходил к концу, и товарищи, зная, что приближается трудный, заключительный этап — приземление, старались поддержать мои силы и бодрое настроение.

Приподнятое настроение ни на минуту не покидало меня. Оно возрастало с каждым часом, приближавшим меня к финишу. Я радовался, да и как было не радоваться, если вся научная программа выполнялась успешно. И все подтверждало: полет проходит хорошо. Я посмотрел на контейнеры с пищей: в них хранился запас продуктов на десять суток. В случае необходимости полет по орбите мог быть продолжен.

В благополучном приземлении я нисколько не сомневался, верил в корабль, твердо верил в точность расчетов, проведенных математиками под руководством Теоретика Космонавтики, которого успели полюбить все космонавты. Он неразговорчив, но мы помнили каждое его слово и суждение, которые были неоспоримы.

В бортовом журнале появлялись все новые и новые записи, сделанные без помарок. Для каждого витка в нем были отведены свои страницы. И я старательно заносил в них не только обусловленные графиком полета наблюдения, но и свои впечатления и переживания. Мне хотелось записать оценку ракете, которая вывела «Восток-2» на орбиту: «Могучие у нас ракеты. И славу космических полетов в равной мере следует делить между летчиками и теми, кто создает, снаряжает и запускает ракеты».

Эта тетрадь с вытисненным на ее обложке Гербом Советского Союза была своеобразным дневником, и в ней наряду с деловыми записями встречались и такие: «Слышу: Москва транслирует «Подмосковные вечера». Как-то я провел тыльной стороной ладони по щеке — раздался легкий треск: у меня чуточку отросла борода. «Хорошо было бы перед спуском на Землю побриться», — подумал я, но электробритва осталась на космо-

дроме в чемодане. Я хотел записать в бортжурнал и о бороде и о том, что детская мечта о кругосветном путешествии сбылась столь необычным способом, но это не относилось к делу.

Космический корабль пошел на семнадцатый виток, но внимание мое не ослабевало ни на минуту. В наушниках послышался теплый, выразительный голос Главного Конструктора:

— Готовы ли к посадке?

Не задумываясь, я ответил:

— Готов!

Честно говоря, мне уже захотелось на Землю. В космосе, конечно, хорошо, но дома все-таки лучше. Нет ничего прекраснее в мире, чем родная Земля, на которой можно трудиться, встречаться с друзьями, дышать полевым ветром.

Спуск космического корабля с орбиты, прохождение его через плотные слои атмосферы и сама посадка — дело весьма сложное и ответственное. Малейшая оплошность, допущенная на этом заключительном этапе полета, способна доставить много неприятностей. Надо иметь в виду, что все происходит на бешеной скорости, при высоких температурах разогретой теплозащитной оболочки корабля, на огромном расстоянии, исчисляемом тысячами километров от намеченного района приземления. Главное в такой обстановке — сохранить ясность мысли, и я, будучи врагом скоропалительных решений, естественно, захотел в эти минуты еще раз проконсультироваться с Главным Конструктором.

Я задал ему по радио несколько вопросов, беспокоивших меня, на которые тут же получил точные ответы. В них на основании всех данных происходящего полета было развито то, что ученый говорил нам с Космонавтом Три во время вечерней прогулки накануне старта. Он сделал паузу, чтобы слова его глубже проникли в мое сознание.

— Действуйте так, как действовали до сих пор, и все будет хорошо, — сказал в заключение Главный Конструктор. Голос его был уверенный и спокойный, будто разговор шел о самом обыденном деле. В который уже раз за время полета железная уверенность ученого передалась мне, и я вновь убедился, что на Земле все подготовлено к посадке корабля в заданном районе.

Я снова принялся за текущую работу. Находясь в кабине корабля, я не вспоминал о прошлом, не мечтал о будущем и жил только настоящим, таким содержательным и прекрасным. В намеченное графиком время мне сообщили, что сейчас будет включена автоматика спуска. Система ориентации корабля работала с исключительной точностью. Затем заработал тормозной двигатель. Сила его, действующая в противоположную по-

лету сторону, стала гасить скорость. «Восток-2» сошел с орбиты, начал приближаться к плотным слоям атмосферы.

Меня интересовал переход от невесомости к обычному состоянию. Юрий Гагарин рассказывал, что этот момент уловить трудно. И действительно, невесомость исчезла как-то сама собой. Вдруг в какой-то момент я почувствовал, что плотно сижу в кресле; чтобы поднять руку или двинуть ногой, требуется некоторое усилие.

«Восток-2» вошел в плотные слои атмосферы. Его теплозащитная оболочка быстро накалялась, вызывая яркое свечение воздуха, обтекающего корабль. Я не стал закрывать шторки иллюминаторов: хотелось подробнее проследить за тем, что делается снаружи. Нежно-розовый свет, окружающий корабль, все более сгущался, стал алым, пурпурным и, наконец, превратился в багровый. Невольно взглянул на градусник — температура в кабине была нормальной: 22 градуса по Цельсию. Гляжу прищуренными глазами на кипящий вокруг огонь самых жарчайших расцветок. Красиво и жутковато! А тут еще жаропрочные стекла иллюминаторов постепенно желтеют. Но знаю: ничего опасного не произойдет — тепловая защита корабля надежна и многократно проверена в полетах.

Невесомость полностью исчезла. Возрастающие перегрузки с огромной силой вжимали меня в кресло. Ощущение было такое, будто какая-то тяжесть расплющивает тело. «Скорей бы отпустило», — подумал я. И действительно, навалившаяся на меня сила постепенно стала слабеть. Становилось все легче и легче. Вскоре перегрузки совсем исчезли. И свечение воздуха снаружи прекратилось. Все системы сработали отлично. Корабль шел точно в заданный район приземления.

Я знал это место, встречал там Юрия Гагарина, когда он возвратился из космоса, восхищался его бесстрашием, думал, что на поле, где он приземлился, наверное, будет установлен обелиск в честь памятного дня — 12 апреля 1961 года. И если в первые часы полета для меня не существовало ни прошлого, ни будущего и я жил только настоящим, то теперь позволил себе думать о самых разных вещах.

Думал, что обязательно поступлю учиться в Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Я знал, что накануне старта «Востока-2» жена моя должна была держать экзамен в медицинское училище. «Не повлияла ли тревога за мою судьбу на ее ответы преподавателям?» — подумал я.

Мысль о жене пробудила много воспоминаний. Я припомнил, как мы познакомились, как полюбили друг друга, как я читал ей наизусть стихи Пушкина и Есенина, как мы поженились и во всем помогали друг другу. Она понимала меня, как никто.

Я воскресил в памяти ее матовое лицо, фигуру, походку. Никогда я не любил ее так нежно, как теперь, пролетая в космосе за тысящи километров от нее.

Затем я вспомнил все, чему научил меня отец, все, что дала мне мать. Сестра встала перед моими глазами, мелькнуло несколько полузабывшихся сценок детства. Вспомнились мои школьные учителя, инструкторы летного дела, подполковник Подосинов — все те люди, которые своим вниманием и заботой повседневно делали из меня настоящего советского человека.

Конструкция «Востока-2» предусматривала два способа приземления космонавта: в кабине корабля или путем отделения кресла от корабля и спуска на парашютах. Мне было разрешено по собственному усмотрению воспользоваться любой из этих систем. Поскольку самочувствие мое было хорошим, я без колебаний принял решение испытать вторую систему приземления. И когда «Восток-2» снизился настолько, что можно было произвести катапультирование, кресло космонавта отделилось от корабля, и над моей головой раскрылся ярко-оранжевый парашют.

Внизу клубились кучевые облака. Я прошел через их влажную толщу и увидел землю, покрытую золотистым жнивьем. Узнал Волгу и два города, расположенных на ее берегах, — Саратов и Энгельс. Значит, все шло так, как было намечено, — приземление происходит в заданном районе, в тех местах, куда из космоса вернулся и Юрий Гагарин.

Чистый солнечный свет сеялся через облака, как из-под абажура.

Парашют, раскачиваясь, плавно опускал меня все ниже и ниже. Живительный воздух земли пахнул в лицо. Я всегда любил прыжки с парашютом: после напряженных секунд падения наступает состояние блаженного покоя, необыкновенно приятной тишины. И этот прыжок — а было их у меня свыше полусотни — тоже как рукой снял всю утомленность от суточного полета, успокоил нервы. Казалось только немного странным сейчас, после того, как я одним взором окидывал огромные куски материков и океанов, видеть Землю сузившейся, сократившей свой горизонт. Но теперь на ней отчетливо проступали детали. Я увидел работающий комбайн, скошенные поля со скирдами соломы, зеленые перелески, пасущееся на лугу колхозное стадо. Все это довольно быстро перемещалось, и я понял, что дует довольно сильный ветер. Невдалеке виднелась железная дорога. По ней шел товарный поезд. Я прикинул, что ветром меня сносит к нему.

«Еще чего недоставало — опуститься на крышу вагона и захватить бог знает куда...»

Машинист и кочегар выглядывали из паровозной будки, показывая на меня. Они, конечно, знали о полете «Востока-2» и догадались, кто это спускается с неба. Ведь яркий, заметный издали цвет парашюта и все снаряжение на мне отличались от того, что можно наблюдать при обычных спусках парашютистов. Паровозной бригаде, видимо, хотелось остановить поезд, но график есть график, и состав продолжал свой путь.

«Восток-2» опустился по одну сторону железнодорожного полотна, а я — по другую. Сильным, порывистым ветром меня проволочило по жнивью. Земля была мягкая и уменьшила силу удара. Наконец-то после стольких часов полета я оказался на родной земле! Теплая, согретая августовским солнцем, она пахла свежим зерном и соломой. Как было приятно встать на нее, ощутить под ногами привычную почву, сделать первые шаги! Они были неуверенными, как в детстве, когда я учился ходить. До чего же прекрасна земля! И небо и море с ней никак не сравнимы.

Привыкнув в полете все делать по точному расписанию, я взглянул на часы. Было 10 часов 18 минут по московскому времени. Я быстро прикинул в уме, сколько пробыл в полете: 25 часов 18 минут. Больше суток! Эти сутки оправдали всю мою жизнь.

Отцепив парашют, я огляделся. Вижу, по дороге пылит мотоцикл с тремя седоками, приложившими ладони к глазам. Они подъехали ближе и бросились меня обнимать. Это были колхозные механизаторы, поспешившие ко мне с полевого стана. Лица их были освещены радостью. Я едва вырвался из их рук, попросил:

— Помогите освободиться от небесного одеяния.

Довольно быстро они сняли с меня скафандр. Тут подъехала легковая машина с двумя мужчинами и женщиной. У женщины лоб в крови. Оказывается, они так торопились, что, едучи по жнивью, попали в яму. Я хотел ей помочь, сказал, что надо скорее перевязать бинтом поврежденную голову, а она вся сияет и говорит:

— Я первой увидела вас на земле, и у меня сегодня самый счастливый день...

По всему полю со всех сторон к нам бежали люди. Меня усадили в машину, чтобы доставить в райком партии. Но я попросил, чтобы меня сначала отвезли к кораблю. Он был за насыпью железной дороги. Мы промчались через переезд, и я увидел «Восток-2», стоящий на поле. Около него уже хлопотали товарищи из группы встречи.

Войдя в корабль, я взял из него бортжурнал, попил воды из запаса, находившегося в кабине, и на той же машине отпра-

вился в райком. Там меня соединили по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым, и я доложил ему, что полет закончен успешно, космонавт чувствует себя хорошо. Никита Сергеевич, словно угадывая, что происходит во мне, тепло, по-отечески разговаривал со мной. Он даже пошутил, говоря, что мой голос звучит, будто я вернулся не из космоса, а со свадебного бала, назвал мой 25-часовой полет героическим подвигом.

— Вы осуществили мечту человечества,— сказал Никита Сергеевич.— Не так давно мечта о космических полетах человека считалась мечтой неосуществимой. Мы гордимся тем, что вы, советский человек, коммунист, сделали это. Вы теперь уже не кандидат в члены партии. Считайте, что ваш кандидатский стаж уже истек. Потому что каждая минута вашего пребывания в космосе может засчитываться за годы. Вы свой кандидатский стаж в члены партии уже прошли и показали, что вы настоящий коммунист и можете высоко держать знамя Ленина.

Трудно передать состояние, охватившее меня в это мгновение. Я испытал самые тончайшие оттенки чувств. В них были и безмерная радость за новую победу, одержанную советским народом, и благодарность партии и правительству, доверившим мне столь ответственное задание, так высоко оценившим мой скромный вклад в развитие космонавтики. Слова Никиты Сергеевича о том, что я могу считать себя членом Коммунистической партии, еще более окрылили меня, и я дал себе обещание готовить себя к любому новому, еще более сложному заданию.

Все мы, космонавты, любим Никиту Сергеевича, как отца, и я много думал о его титанической энергии там, в просторах Вселенной, когда получил от него радиограмму. Товарищ Хрущев всегда молод. Он иногда называет себя стариком, но сколько прекрасной должна быть старость, которой восхищается молодость! Просто диву даешься, как этот обладающий исключительной памятью сердечный, добрый и в то же время требовательный человек успевает находить время и для кипучей дипломатической деятельности и для глубокого проникновения в нужды сельского хозяйства и нашей индустрии, для бесед с работниками литературы и искусства, для заботливого выращивания научных кадров! А сколько сделал Никита Сергеевич в области наиболее близкой нам, космонавтам,— в строительстве ракетной техники, в организации космических полетов!

— Идите отдыхать, Вы заслужили отдых,— заканчивая разговор, сказал Никита Сергеевич. И тут я почувствовал, насколько устал.

Но за стенами райкома шумел народ. Там собрались жители

С благополучным прибытием!

всего городка, и, конечно, нельзя было не выйти к ним. Я поднялся на трибуну, находившуюся у здания.

— Полет завершен успешно. Я многому научился. Чувствую себя хорошо. Только что разговаривал с товарищем Хрущевым,— сказал я и подумал, что все только что пережитое никогда не забудется.

Под восторженные приветственные возгласы меня усадили в машину и отвезли на аэродром, где уже стоял самолет, прилетевший с командного пункта группы встречи. Мы горячо, по-братски расцеловались с политработником Василием Яковлевым — человеком большой души, отдающим много сил и энергии воспитанию космонавтов, заботам об их жизни и быте. Было радостно обменяться крепкими, дружескими рукопожатиями со многими другими товарищами по работе, снова оказаться в их тесной, сплоченной семье. В самолете врачи Евгений Алексеевич и Андрей Викторович сняли с меня лазерный комбинезон и все датчики, находившиеся на теле, проверили пульс и кровяное давление, уложили в постель. Машина поднялась в воздух, и я, несказанно счастливый и утомленный, сразу уснул.

В тот же день в домике на крутом берегу Волги я встретился с Юрием Гагариным, как всегда, проявившим завидное упорство и вовремя прилетевшим из западного полушария. Нас окружило много людей, все поздравляли меня. Кто-то сказал, что делит успех на две равные доли: одну сулит мне, другому тем, кто создал «Восток-2».

Я ответил, что вся слава новой победы принадлежит партии, народу и, конечно, создателям космического корабля. Не было бы корабля, и я бы не смог взлететь в космос. Не было бы Титова, и взлетел бы Иванов, Петров, Николаев или Сидоров... У нас тысячи людей, способных сделать то, что свершили два первых космонавта. Вечер мы провели втроем — Юрий Гагарин, Космонавт Три и я. Мы любовались простором великой русской реки и синими заволжскими далями, освещенными солнцем, прислушивались к басовитым гудкам пароходов.

Человек с железным здоровьем и таким же спокойствием, Космонавт Три задавал вопросы, на которые никто ему не мог ответить, кроме нас. Он хотел все знать, ибо все пережитое нами могло пригодиться ему в новом, может быть, еще более сложном полете.

* * *

Все последующие дни были наполнены большими, волнующими чувствами, которые вызвали во мне встреча на Внуковском аэродроме с Никитой Сергеевичем Хрущевым и другими руководителями Коммунистической партии и Советского пра-

Слава космонавту!

вительства, с отцом, матерью, женой и сестрой, с москвичами, грандиозный митинг на Красной площади, награждение орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Разве могут когда-нибудь изгладиться из памяти те счастливейшие в жизни минуты, когда, стоя на правительственной трибуне Мавзолея, рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым, назвавшим нас «небесными братьями», мы с Юрием Гагариным слушали его речь, проникнутую огромным оптимизмом, неиссякаемой верой в могучие, творческие силы нашего народа — строителя коммунизма!

— Народ — творец истории, кузнец своего счастья, — говорил Никита Сергеевич. — Чем лучше все советские люди будут трудиться на благо общества, тем быстрее мы достигнем вершин коммунизма, проложим широкий путь в будущее для всего человечества. И мы твердо уверены, что наш народ под руководством Коммунистической партии будет и впредь на высоте стоящих перед ним задач. Мы первыми в мире построили социализм, первыми проложили путь в космос. Наша страна первой идет к коммунизму.

Торжественный прием в Кремле, встречи с трудящимися столицы, пресс-конференция в белоколонном зале Московского университета на Ленинских горах, поездка вместе с Юрием Гагариным и другими нашими друзьями-космонавтами к рабочим и инженерам — строителям замечательных советских космических кораблей — все было радостным в эти дни. Я без устали рассказывал обо всем виденном во время полета на «Востоке-2» и как бы заново переживал сутки, проведенные в космосе.

Вскоре проявили пленку киноаппарата, который был взят мною в кабину корабля. Отдельные кадры съемки, сделанной в космосе через иллюминаторы «Востока-2», опубликовали «Правда» и другие газеты и журналы. Было радостно, что эти снимки увидели миллионы советских людей — они как бы вместе со мной и Юрием Гагариным смогли заглянуть в космос, полюбоваться оттуда на нашу матушку Землю.

Из многих стран на мое имя стали приходить приглашения приехать в гости, рассказать о полете «Востока-2», о новом достижении советской науки и техники. Первая такая поездка состоялась в Германскую Демократическую Республику.

1 сентября со Внуковского аэродрома вместе с женой на самолете «ИЛ-14» я вылетел в Берлин. Мы направились туда по приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Государственного совета ГДР, правительства ГДР и Национального совета Национального фронта демократической Германии.

Первое сентября — первый день нового учебного года. Миллионы школьников и студентов сели в этот день за парты; я тоже прослушал лекции по физике и прямо из аудитории направился на аэродром. Как только самолет поднялся за облака, Тамара достала учебник химии и тетрадь и занималась несколько часов; жена моя теперь учится в медицинском училище.

В составе нашей делегации были: прославленный ас Герой Советского Союза генерал Л. И. Горегляд, профессор В. И. Яздовский, корреспондент «Правды».

Накануне все газеты опубликовали Заявление Советского правительства о мероприятиях, принимаемых с целью укрепления обороноспособности нашей Родины и сохранения мира во всем мире. Я взял с собой «Правду» и заново с карандашом в руке прочел этот документ. В нем сообщалось, что Соединенные Штаты Америки и их союзники все сильнее раскручивают маховик своей военной машины, раздувая до небывалых размеров гонку вооружений, увеличивая численность армий, доводя до белого каления напряженность международной обстановки. Дело дошло до того, что руководящие деятели США и союзных с ними стран стали прибегать к прямым угрозам взяться за оружие и развязать войну в ответ на предложение СССР о заключении мирного договора с Германией.

Я летел в Берлин, и меня очень интересовал этот замечательный, энергичный документ. В нем были такие строки: «В Советском Союзе разработаны проекты создания серии ядерных бомб повышенной мощности — в 20—30—50 и 100 млн. тонн тротила, а могучие ракеты, подобные тем, с помощью которых майор Ю. А. Гагарин и майор Г. С. Титов совершили свои беспрецедентные космические полеты вокруг Земли, способны поднять и доставить такие ядерные бомбы в любую точку земного шара, откуда могло бы быть совершено нападение на Советский Союз или другие социалистические страны».

Самолет пересек освещенную солнцем территорию Польши, и под крыльями замелькали поля и леса Германской Демократической Республики. Мы с женой с интересом всматривались в новый для нас пейзаж с городами, подернутыми лиловой дымкой, с краснокрышными селами.

О Великой Отечественной войне я знал не только из книг, но и помнил рассказы участников сражений. О войне рассказывал отец — бывший солдат Советской Армии, рассказывали земляки и летчики годами постарше. И, глядя на немецкую землю, я припоминал все, что знал о войне.

...Весь январь 1945 года с востока через всю Европу дул сквозной теплый ветер. Припомнил я этот рассказ бывших солдат и как бы ощутил силу этого ветра.

Сердечная встреча.

12 января Советская Армия начала решительное наступление по всему фронту — от холодного Балтийского моря до высоких Карпатских гор. Наши войска, воевавшие за мир, пересекли границу Германии и, словно весеннее половодье, обгоняя толпы немецких горемык, насильственно, словно скот, угоняемых эсэсовцами, устремились по ровным асфальтированным дорогам.

Напуганные беженцы молча встречали продвижение наших танковых частей. Много напраслин возвел на наше войско многоязыкий Геббельс, но все эти наветы рассеивались, как дым, от первых встреч населения с советскими солдатами.

Словно снег, покрывали белые полотнища немецкие города и села. На серых, закопченных дымом стенах жилищ были наклеены листы газеты «Фрейес Дейчланд» — органа Национального комитета «Свободная Германия». На этих листах можно было прочесть слова Вальтера Ульбрихта, — он призывал всеми средствами воспрепятствовать Гитлеру продолжать войну на немецкой земле, не дать ему превратить Германию в руины.

Припомнился солдатский рассказ о мостостроителях фирмы «Августин» из тех многих миллионов немцев, которые на президентских выборах голосовали за Тельмана. Они не дали фашистам взорвать мосты, уничтожить заводы, затопить шахты. Еще в детстве я знал, что не только народы Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Венгрии, Чехословакии встречали на своей земле советских солдат, как освободителей, но и многие в самой Германии видели в них своих спасителей, несущих самое важное — жизненное благо — свободу.

Один за другим освобождала Советская Армия немецкие города с островерхими крышами, с готическими кирхами, словно кинжалы, вонзавшимися в черное небо, затянутое дымом войны. Я закрывал глаза и отчетливо видел, как закопченный порохом, с улыбкой на устах советский солдат входил в дом напиться воды. Хозяин дома с белой повязкой на рукаве подносил ему кружку, затем снимал со стены портрет фюрера, бросал его на пол и, словно гада, давил каблуком.

«Эх, чуток бы пораньше так», — сокрушался солдат и шагал дальше.

Мои спутники — участники Великой Отечественной войны — рассказывали о том, как в те дни всех в Европе измучила, всем надоела война, все стосковались по миру. Но немецко-фашистская армия продолжала отчаянное сопротивление, и вот уже невиданное по своей ожесточенности сражение, словно огромный вал, гонимый бурей, докатилось до закопченных стен Берлина. Гитлеру помещали заключить сепаратное перемирие с западными державами. Бой шел за каждую улицу, за каждый дом. Горячий воздух вырывался из разбитых окон. Едкий дым горя-

Дороги в космосе — наши дороги!

щих многоэтажных зданий затруднял дыхание. В воздухе кружились облигации, векселя, архивные документы, портреты атаманов буйной банды нацистских грабителей. В красной кирпичной пыли валялись пачки фашистских марок.

А в Европе буйствовала весна. По всем дорогам брели освобожденные Советской Армией из фашистских лагерей узники, получившие свободу. Среди каменных развалин Берлина расцветали первые красные маки, точь-в-точь такие, как у нас на Алтае. Как попали они туда? Может быть, семена их занесли на своих шинелях советские солдаты...

За толстыми баррикадами из камней и железа остывали черные от копоти подбитые танки, те, которые брали Париж и прошли Фермопилы. По Берлину стреляла сорок одна тысяча советских орудий и минометов, так что небу становилось жарко. Кровавопролитный бой шел на трех этажах: в небе, на земле и под землей, в сырых тоннелях метро.

На тротуарах, окантованных искалеченными деревьями, покрытыми пушистой зеленью, появились толпы людей.

Вступив на землю Германии, советские солдаты, воспитанные Коммунистической партией в духе интернационализма, сумели отличить Германию Гитлера и Круппа — этой банды фашистских вырождаков и палачей — от Германии великих писателей-гуманистов, Германии, в которой создали свое бессмертное учение Маркс и Энгельс, Германии Тельмана и миллионов немецких рабочих и крестьян. Опытные в бою, наши солдаты оказались опытными в разгадывании человеческих сердец. Гитлер пришел и ушел, а народ германский и государство германское остались.

Товарищи, летевшие со мной, рассказывали, что в мае сорок пятого года на перекрестках разбитых берлинских улиц можно было видеть полевые кухни, окутанные первым мирным дымком, и усатых кашеваров, добродушно разливающих суп голодным немецким женщинам и детям. На солдатских биваках слышались беседы о Карле Либкнехте и Розе Люксембург, Эрнсте Тельмане и Вильгельме Пике.

Рабочие берлинских заводов «Эрих и Герц», «Осрам», «Аксания», «Сименс», «Телефункен» рассказывали нашим бойцам о работе наиболее крупной и разветвленной в Германии подпольной организации, созданной во время войны Антоном Зефковым, Францем Якоба и Бернардом Бестлейном. Все три руководителя этой организации, смелость которых не знала границ, сложили свои головы под топором палача.

В пяти километрах от Веймара Гитлер создал для немецких коммунистов мрачный Бухенвальдский лагерь уничтожения. При отсветах зловещего пламени, бушевавшего в печах крема-

тория, коммунисты писали листовки, призывая узников к сопротивлению.

Восемнадцатого августа 1944 года в этом лагере был убит и сожжен Эрнст Тельман — вождь Коммунистической партии Германии. Свыше одиннадцати лет палачи мучили его в фашистских застенках.

В Бухенвальде, как и во всех лагерях уничтожения, существовала крепкая организация Сопротивления, руководимая коммунистами. Душой этого руководства были советские коммунисты. Когда к Веймару приблизились союзнические армии, эта боевая организация, исподволь собиравшая и изготавливавшая оружие, подняла в лагере восстание. Узники перебили в ожесточенной схватке охрану и освободили сами себя. Среди вырвавшихся на свободу было несколько тысяч немцев-антифашистов.

Апатия и безнадежность быстро прошли, и миллионные массы немцев принялись за строительство новой жизни. Советский народ помог засеять окровавленную, испепеленную почву Германии добрыми семенами мирного труда, создать Германскую Демократическую Республику — ныне здравствующее и расцветающее первое в истории свободное государство немецких рабочих и крестьян, пригласившее меня в гости.

Я разглядывал очертания огромного, привольно раскинувшегося на берегах Шпрее города.

— Берлин? — спросила жена.

— Да, Берлин, — ответил я и словно отодвинул в сторону все воспоминания.

Самолет снизился и опустился на аэродром Шенефельд. Там уже собралось много берлинцев. Прибыли сюда Первый секретарь ЦК СЕПГ, председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт, первый секретарь Центрального Комитета КПГ Макс Рейман, посол Советского Союза М. Г. Первухин, Главнокомандующий Группой советских войск в Германии Маршал Советского Союза И. С. Конев. Мы сердечно поздоровались с ними.

Шумной стайкой подбежали немецкие пионеры. Повязали мне синий галстук, вручили букет цветов.

Отовсюду слышались приветственные возгласы, здравицы в честь германо-советской дружбы.

К микрофону подошел товарищ Вальтер Ульбрихт.

— Мы приветствуем вас, как сына советского народа, освободившего наш народ от варварства гитлеризма и проложившего тем самым путь к возрождению нашего народа в духе мира и гуманизма, — говорил товарищ Ульбрихт.

И вот я стою у микрофона.

— Мы много читаем о ваших людях,— сказал я,— о ваших славных делах. Знаем Германию Карла Маркса, Бетховена и Гете, Германию миллионов немецких рабочих и крестьян.

Передал горячий привет от советского народа, закончил свое выступление здравницей в честь нерушимой дружбы между народами Советского Союза и ГДР. Последнюю фразу: «Да здравствует мир во всем мире!» — я произнес на немецком языке.

Хотя я и облетел семнадцать раз вокруг земного шара, но никогда еще не ступал по земле за границей, и все увиденное в Берлине интересовало меня и трогало.

Мы выехали с аэродрома в открытой машине, увитой живыми цветами. Товарищ Вальтер Ульбрихт стоял, я находился рядом с ним. За нами двигался поток машин, и сбоку мчался почетный эскорт мотоциклистов.

От аэродрома до Панкова, где мы должны были жить, стояли плотные шеренги людей, приветствуя свое правительство, своего великого друга — Советский Союз и его славную ленинскую партию. Дорога от аэродрома до города петляет среди полей. Она густо обсажена деревьями, и с каждого из них свисали флаги Советского Союза и ГДР.

Вдоль шоссе в форменной одежде стального цвета замерли бойцы боевых рабочих дружин, героически проявивших себя во время осуществления мероприятий правительства ГДР по охране своих границ. В большинстве своем это пожилые люди, хлебнувшие немало горя на своем веку.

Я всматривался в их суровые лица. Все такие разные и в то же время чем-то похожие друг на друга. Эти люди взяли на себя охрану секторальной границы Берлина. Одним ударом они перерубили щупальца западноберлинского спрута, двенадцать лет высасывавшего соки из тела ГДР, отравлявшего людей ядом шовинизма и реваншизма.

Мне было известно, что «фронтный город», как называют Западный Берлин милитаристы, по-прежнему оставался самым опасным очагом международной напряженности, что там обосновалось около сотни шпионских и диверсионных организаций, засылавших свою агентуру в демократический Берлин. Эти коммивояжеры смерти переманивали в ФРГ специалистов и квалифицированных рабочих, тоннами скупали продукты в магазинах демократического Берлина и переправляли их в Западный Берлин, наживая на этих спекулятивных махинациях баснословные прибыли.

Теперь всему этому правительство ГДР положило конец. Граница оказалась на крепком замке.

Мы продолжали свой путь, Берлин был охвачен праздничным ликованием. Повсюду развевались разноцветные флаги

стран социализма, виднелись красочные портреты Н. С. Хрущева и В. Ульбрихта. Сотни тысяч плакатов и транспарантов свидетельствовали о горячем одобрении и поддержке трудящимися ГДР энергичных мер, принятых Советским правительством, чтобы оградить Советский Союз, социалистический лагерь, все человечество от страшного пожара термоядерной войны.

Центральные магистрали города — Сталиналлея, Берзаринштрассе, Димитровштрассе, Шенхаузераллея — были засыпаны цветами. Машины пробирались по ковру живых цветов.

Окна многоэтажных домов были распахнуты настежь, и в каждом окне — счастливые человеческие лица. Масса людей с балконов приветствовала нас. Пароходы на Шпрее и все паровозы на железных дорогах, пересекающих город, приветствовали советских людей сиренами и гудками.

1 сентября стало праздником в Берлине. Школьники оставили свои парты, чтобы увидеть советского космонавта. Дети в ГДР учат русский язык, самодельные плакаты у них в руках, написанные ровным, почти каллиграфическим почерком, вызывали добрые улыбки: «Мы все хотим побывать на Луне», «До встречи на Марсе», «Дружба», «Москва — Берлин».

На улицах звучала песня, несколько дней назад сложенная в честь советских космонавтов. Ее распевали светлоголовые юноши и девушки в ярко-синих блузах — члены Союза свободной немецкой молодежи.

Среди встречавшихся находился и девяностолетний «дедушка Герне» из местечка Штельн, как его ласково называют в республике, — свидетель первого полета немецкого пионера воздухоплавания Отто Лилиенталя, летавшего на самодельных крыльях семьдесят лет назад.

Проезжая через Берлин, я невольно думал, что все улицы, по которым двигался кортеж машин, были когда-то передовой линией фронта. Не верилось, что полтора десятилетия назад в этом городе не оставалось почти ни одного целого дома.

Через несколько часов я был принят товарищем Вальтером Ульбрихтом. Между нами состоялась дружеская беседа, в ней приняли участие немецкие ученые.

В конце встречи Вальтер Ульбрихт прикрепил мне на грудь высшую награду республики — орден Карла Маркса.

В ответном слове я сказал, что награда эта принадлежит тем, кто строит советские космические корабли, и тем, кто летал и будет летать на них.

Товарищ Вальтер Ульбрихт напомнил, что все лето в Берлине лили холодные дожди, а небо было затянуто мрачными тучами; сегодня выдался теплый, солнечный день, и берлинцы говорят:

— Советский космонавт привез нам из Москвы хорошую погоду.

Поздно ночью я лег в прохладную постель. Было тихо. В распахнутое окно заглядывало дерево, освещенное серебристым сиянием луны. Пахло влажной землей и какими-то незнакомыми цветами. Несколько минут я думал о своем полете в космос. Полет был самым сильным впечатлением в моей жизни. Порыв ветра, залетевший в комнату, надул гардину, как парус. Я поплыл под этим парусом и уснул. Проснулся, как всегда, рано. Вышел на улицу. Первое впечатление от Берлина: город цвел, как сад, расцвеченный флагами Советского Союза, Германской Демократической Республики, радужной гаммой национальных флагов всех стран социалистического лагеря.

Утром наша делегация посетила завод электроаппаратов. Мы прошли по всем цехам. Директор завода Гельмут Римаш рассказал о производственных достижениях коллектива, о том, что завод поставляет в Советский Союз оборудование для цементной промышленности и прокатных станков. Рабочие завода подарили мне пылесос.

— Чистить космическую пыль,— шутили секретарь парторганизации Вальтер Вагнер.

На вместительном, как стадион, заводском дворе, с четырех сторон окруженном пятиэтажными стенами цехов и до отказа заполненном рабочими, состоялся митинг.

— Весь немецкий рабочий класс равняется на Юрия Гагарина. В республике много гагаринских бригад. Теперь одна за другой возникают бригады имени Титова. Советская космическая ракета стала символом движения вперед для строителей новой Германии,— сказал начальник цеха переключателей инженер Герхард Торн.— Наш заводской митинг — живое свидетельство безграничной любви немецкого рабочего класса к Социалистической единой партии Германии. Никогда еще партия и народ не были так сплочены и едины, как в эти дни, когда Западную Германию трясет лихорадка военных приготовлений, когда дурман реванша пьянит легковесные головы по ту сторону границы, когда до нас доносится лязг американских танков, передвигающихся по улицам Западного Берлина.

На трибуну, украшенную живыми цветами, поднялась женщина — мастер Элли Нучан.

— Мой сын — танкист Национальной народной армии. Он — моя материнская гордость так же, как армия на границе гордость всего народа. Эс лебе геноссе Титов! — так закончила она свое краткое выступление, и десять тысяч голосов, как один человек, повторили:

— Хох, хох, хох!

В своем выступлении я рассказал о космическом полете и закончил его любимыми строками Тельмана из «Фауста» Гете, которые вождь немецкого народа привел в своем последнем письме:

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Я попросил показать мне Бранденбургские ворота, и наши машины направились туда. Невдалеке от них находилось здание Советского посольства. Над воротами на венчающей их колеснице, запряженной четверкой бронзовых коней, ветер во всю длину вытянул трехцветный флаг Германской Демократической Республики с государственным гербом посередине.

В сорока метрах западнее ворот проходила оплетенная колючими спиралями Бруно граница с Западным Берлином. Там, по ту сторону проволоки, свили свои осиные гнезда эсэсовцы, штурмовики, уцелевшие оберштурмбаннфюреры концентрационных лагерей.

Справа высилась громада рейхстага, выкрашенная светло-серой краской. На крыше бессильно повис запутавшийся в зеревках незаконно вывешенный там флаг ФРГ.

У меня хорошее зрение, но ни одной исторической надписи, оставленной советскими солдатами, я не увидел на стенах рейхстага. Они замазаны и заштукатурены. На крыше под флагом ФРГ оборудован наблюдательный пункт английских оккупационных войск. Офицеры в бинокли глядели на нашу группу, подошедшую к проволоке, и тотчас сюда подлетел черный броневик, вооруженный пушкой и пулеметами.

— На крышу рейхстага частенько поднимаются знатные туристы из-за океана и оттуда разглядывают демократический Берлин,— объяснили нам народные полицейские, одетые в удобную форму зеленого цвета.

Невдалеке от рейхстага в сквере стоит памятник советским воинам, павшим смертью героев в сражениях с фашистами. Англичане обнесли его стеной из колючей проволоки, оставив узкий вход для советских солдат, круглосуточно стоящих там в почетном карауле.

Колючей проволокой спутаны и знаменитые Тридцатьчетверки — танки, штурмовавшие рейхстаг и поставленные на бетонный пьедестал.

У Бранденбургских ворот столкнулись два мира: светлый

мир социализма, на знаменах которого начертаны слова «Мир. Дружба. Равенство. Братство», и черный мир капитализма, где человек человеку волк.

Проехав по оживленным улицам Берлина, мы направились на Маркс — Энгельс-плац. Более 200 тысяч берлинцев прибыли туда, чтобы выразить свою любовь к советскому народу, строителю коммунизма.

Одна за другой в чистое небо взлетали ракеты. Они взрывались в воздухе, и на землю медленно опускались парашюты, украшенные красными стягами, портретами Н. С. Хрущева, В. Ульбрихта, советских космонавтов. Величаво прозвучали над огромной площадью звуки государственных гимнов Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Митинг открыл председатель Национального совета Национального фронта демократической Германии Эрих Корренс. Он предоставил первое слово Вальтеру Ульбрихту.

Вальтер Ульбрихт говорил около часа, дав точный и ясный анализ международных событий. По отзывам немецких товарищей, находившихся на трибуне, это была одна из его сильнейших речей.

Вечером в актовом зале университета состоялось торжественное заседание Немецкой академии наук, на котором обстоятельный доклад о достижениях советских ученых в освоении космоса сделал профессор В. И. Яздовский. Я кратко сообщил о полете и ответил на вопросы ученых.

Президент Немецкой академии наук профессор Вернер Хартке вручил мне памятную медаль имени Александра Гумбольдта, автора книги «Космос», написанной в прошлом веке.

На второй день мы отправились в поездку по новой Германии. На всем двестикилометровом пути от Берлина до Магдебурга нас приветствовало население поселков и крестьяне, заканчивающие уборку урожая. По пути мы посетили сельскохозяйственный производственный кооператив «Единство», Ко мне, сияя от счастья, подбежала крохотная белокурая девочка. Я поднял ее на руки. Крестьяне аплодировали советскому офицеру и немецкой девочке, доверчиво обнявшей меня за шею.

Обычно по воскресеньям пустеет Магдебург. Жители его отправляются на берега Эльбы, в живописные рощи, на прохладные озера. Но на этот раз, несмотря на тридцатиградусную жару, все население осталось дома и вышло на улицы.

Магдебуржцы говорили:

— Нас с Советским Союзом так же невозможно разъединить, как знаменитые магдебургские полушария,

На центральной площади города, окаймленной старинными зданиями, состоялся многотысячный митинг. В конце митинга секретарь местной организации Союза свободной немецкой молодежи Э. Юнг доложил присутствующим на трибуне:

— Сформирован второй молодежный добровольческий полк «Магдебург». Он готов к защите социалистической республики.

Роты полка сомкнули свои колонны перед трибуной. Над ними взвилось ярко-синее знамя Союза свободной немецкой молодежи с эмблемой восходящего солнца. Полк запел «Интернационал», и это пение подхватила вся площадь.

Утром, распрощавшись с гостеприимным Магдебургом, мы направились в Лейпциг. На этот раз машины шли не по автострате, а проселочной дорогой, пересекающей многие рабочие поселки и деревни. На полях заканчивалась уборка урожая. Тракторы с красными флажками вспахивали поля под зябь, комбайны убирали поля пшеницы.

— Дружба! Хрущев! Ульбрихт! — неслоь вслед машинам.

На дорогу вышли горняки калийных копей и медных рудников с плакатами, на которых были написаны рапорты трудовых побед.

На горизонте, окутанном лиловым дымом индустриальных химических гигантов, возник город Галле. За славное революционное прошлое, насыщенное непримиримой борьбой с фашизмом, его называют «красным сердцем» Германии.

Тысячелетний город словно помолодел. В центре города вспыхнул летучий митинг, на котором я рассказал о полете «Востока-2».

Машины, засыпанные цветами, двинулись дальше. Они следовали по самой красивой улице города Галле, названной именем германо-советской дружбы. По улице с таким же гордым названием въехали мы и в город Лейпциг. Казалось, что весь путь от Берлина до Лейпцига — это сплошная нескончаемая трасса мира, дружбы и братства.

В Лейпциге мы побывали на международной ярмарке, а днем я и профессор В. И. Яздовский выступили на пресс-конференции, на которой присутствовало свыше шестисот журналистов, в том числе около ста из США, Англии, Франции и других стран Европы, Азии и Африки.

С Лейпцигом советских людей связывает много общего. Здесь, по Руссенштрассе, проходили овенные славой казачьи полки, разгромившие полчища Наполеона в знаменитой битве народов под Лейпцигом. Здесь же, на Руссенштрассе, в маленьком домике зажглась ленинская газета «Искра». Ее неугасимый огонь был движущей силой, поднявшей советские космические корабли на звездную орбиту.

Свыше двухсот тысяч жителей собралось на площадь имени Карла Маркса на митинг, на котором выступил товарищ Вальтер Ульбрихт. Он кончил свою речь словами:

— Наш прекрасный город Лейпциг, город мирного сосуществования, город мирных встреч, мирной торговли, которая сближает народы и государства.

Там же на митинге я подарил товарищу Ульбрихту свои часы, которые были со мной в космосе.

Утром по прекрасной автостраде, вдыхая запах лугов, нагретых солнцем, мы отправились в Берлин и в тот же день самолетом вернулись в Москву.

Герман Степанович Титов
700.000 КИЛОМЕТРОВ В КОСМОСЕ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 05280 Подписано к печати 28/IX 1961 г. Тираж 150 000. Изд. № 1792,

Зак. № 2289. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,75 бум. л. — 2,05 печ. л. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 6 коп.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
К Н И Г И
ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И КРИТИКЕ,
выпущенные Государственным издательством
художественной литературы:

БЕЛИНСКИЙ В. Гамлет — драма Шенспира. Мочалов в роли Гамлета. 1956. 118 стр. Цена 17 коп.

БЕЛИНСКИЙ В. Эстетика и литературная критика. В 2 томах. 1959. Том I. 704 стр. Цена 1 р. 36 к. Том II. 784 стр. Цена 1 р. 50 к.

ВОРОВСКИЙ В. Литературно-критические статьи. 1956. 478 стр. Цена 1 р. 18 к.

ГОНЧАРОВ И. Мильон терзаний. 1956. 46 стр. Цена 6 коп.

ДОБРОЛЮБОВ Н. Статья об А. Н. Островском. 1956. 268 стр. Цена 38 коп.

ДОБРОЛЮБОВ Н. Что такое обломовщина. 1956. 47 стр. Цена 7 коп.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. Статьи о литературе. 1957. 736 стр. Цена 1 р. 15 к.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. Статьи о Чернышевском. 1958. 120 стр. Цена 14 коп.

К. Маркс и Ф. Энгельс о литературе. 1958. 320 стр. Цена 49 коп.

ПИСАРЕВ Д. Базаров. 1953. 60 стр. Цена 8 коп.

ТОЛСТОЙ Л. О литературе. 1955. 764 стр. Цена 1 р. 16 к.

ЦЕТКИН К. О литературе и искусстве. 1958. 132 стр. Цена 28 коп.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Эстетика. 1958. 374 стр. Цена 66 коп.

Требуйте эти книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»